

Глава 11. Рассуждения о Дао

Чи Шэн поспешно отвернулся, не в силах смотреть, как его несчастного соплеменника поглощает этот проклятый человек. В глубине души он понимал: в мире царит закон джунглей, и люди едят птиц точно так же, как он сам когда-то ел рыбу и креветок.

Внутренне подготовившись к суровой реальности, Сяо Чи Шэн вернулся к прерванному разговору и, моргнув, проговорил:

— Я просто хотел пообедать вместе с учителем.

Его собеседник посмотрел на него с сокрушением о чужой бестолковости:

— Ах ты, болван, совсем ничего не смыслишь! Мирские дела и отношения между людьми — штука невероятно сложная. Ты думаешь, никто не хочет специально подобраться поближе к Лансюэ-цзюню? Просто сам Верховный старейшина Линь ведет жизнь отшельника и не водится с простыми смертными. Он — недостижимая мечта, на которую можно лишь взирать издали, но не смей касаться. Даже если ты придешь к нему, он лишь одарит тебя ледяным взглядом. Не жди от него благодарности, понял?

Чи Шэн постепенно затих. Когда же он опомнился и вновь посмотрел в ту сторону, Линь Фэйсяня за столом уже не было — его силуэт давно исчез. План совместной трапезы с треском провалился.

Покинув столовую, Ли Ло и Ли Сюнь поспешили на дневную проверку — им нужно было заранее попрактиковаться в фехтовании, поэтому они попрощались с Чи Шэном.

Настроение у Чи Шэна было паршивое. Поскольку занятий после обеда не предвиделось, он решил просто побродить по окрестностям и получше изучить школу. Его путь пролегал через ту самую площадь Тайцзи, где он впервые оказался, прибыв в секту. Сейчас там прогуливалось множество учеников и учениц; они шли парами, ведя себя довольно двусмысленно. Куда ни глянь — Чи Шэн везде оставался в гордом одиночестве.

«...» — он почувствовал себя незаслуженно обиженным.

Площадь Тайцзи была выстроена в форме символа двух начал: черная и белая стороны, дополняя друг друга, образовывали идеальный круг. В большинстве своем пейзажи школы Даньлин отличались изяществом, горами и реками, но здесь царила атмосфера мощи и грубой энергии. Ни цветов, ни трав, ни драгоценных камней — лишь по краям ровными рядами высились огромные каменные изваяния демонических зверей.

Чи Шэн обошел их все — ровно семь штук. Под каждой статуей были выгравированы золотые иероглифы, поясняющие, кто перед ним.

Большой бамбуковый змей элемента дерева, Снежная бабочка элемента воды, Пламенный олень элемента огня...

Обойдя круг и осмотрев шесть изваяний, соответствующих разным духовным корням, Чи Шэн замер перед последним — Белым Лебедем.

Каменная птица застыла в исполненной грации позе; ее крылья, длинные и тонкие, казались настолько живыми, будто она была готова взлететь в следующую секунду.

Невероятная красота.

Чи Шэн невольно сравнил этот шедевр со своими крыльями...

Никакого сравнения.

Он внимательно вчитался в описание под статуей. Оказалось, что это ослепительное божественное создание обладало редчайшим ледяным корнем — воистину мощь и удача, вызывающие зависть и у богов, и у демонов.

Постояв немного, Чи Шэн собрался пересечь площадь, но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал доносившийся из угла шум. Группа учеников, усевшись прямо на землю, устроила бурную дискуссию. Они разделились на два лагеря, а между ними был воткнут маленький флажок с надписью: «Турнир красноречия».

Ученики обеих сторон спорили так яростно, что, казалось, вот-вот закатают рукава и возьмутся за мечи. Суть спора сводилась к пониманию пути бессмертных. Одни считали, что Дао — это Великий Путь, а значит, нужно отрешиться от всего земного, вознестись к небесам и не вопрошать о мирской суете. Другие же возражали: идущие путем бессмертия должны вершить правосудие, искоренять зло, служить государству и поддерживать справедливость.

— Тех, кто творит справедливость в мире смертных, называют героями, — язвительно бросил кто-то из первого лагеря.

— Тогда скажи мне, кто же такие бессмертные? — недовольно огрызнулись в ответ.

— Те, кто стоит выше всех, взирает на мир свысока и пребывает в гордом одиночестве.

— Да ты за своим совершенствованием совсем корни забыл! — вскричал оппонент. — Если встретишь подлеца, неужели позволишь ему и дальше творить беззакония? Друг мой, твои речи слишком предвзяты.

Противная сторона не осталась в долгу:

— Это ты забыл мудрость, что передали нам учителя! Посмотри на двух Верховных старейшин нашей горы Даньлин — разве не каждый из них холоден, отрешен и чист от мирской пыли? Учителя на собственном примере показывают нам, что нужно отринуть земное. А ты прошел девятьсот девяносто девять ступеней Лестницы Парящих Облаков и до сих пор не понял, ради чего мы здесь!

— То, что Верховные старейшины не запятнаны мирской пылью, вовсе не означает, что в их сердцах нет милосердия! Помогать слабым — долг каждого ученика нашей школы. Иначе зачем бы Лансюэ-цзюнь раз за разом уводил учеников вниз с горы для закалки?

— Уж лучше бы ты не поминал об этом, — подхватил другой, — давай-ка обсудим. Одно дело — закалка, и совсем другое — характер. Ты же видишь, как Лансюэ-цзюнь держится: он вечно высокомерен и холоден. Если бы не долг наставника, стал бы он сочувствовать и спасти каких-то никчемных смертных? Говорят «чист от пыли», а на деле — просто бесчувственный и жестокий человек.

Многие из присутствующих закивали в знак согласия. Один из учеников добавил:

— Полгода назад на экзамене я перепутал выпад, и он заставил меня стоять на коленях в Ледяном источнике! Вода там пробирала до костей, я несколько недель провалялся в лихорадке, едва с того света вернулся! Лансюэ-цзюнь не просто холодный, он настоящий изверг...

—... Прошу прощения, что прерываю.

Ученики, чьи лица покраснелись от возбуждения, разом обернулись на внезапный голос.

Чи Шэн почесал затылок и с совершенно невозмутимым видом обратился к ученику, чей рассказ он оборвал:

— Подскажите, во время того испытания, когда вы сражались на мечах, вы получили ранение?

Тот на мгновение опешил:

—... Ну, да. Меня ранил ученик с огненным корнем. Я и так был слаб, а меня заставили сидеть в ледяной воде. Лансюэ-цзюнь нарочно хотел меня сжечь со свету!

Чи Шэн пристально посмотрел ему в глаза:

— Ледяная вода небесного источника — лучшее средство для защиты сердечных каналов. А на горе Даньлин ее целебные свойства и вовсе безграничны. Вы сражались с обладателем огненного корня и уступали ему в силе. Ваши легкие и селезенка были обожжены изнутри. Если бы Лансюэ-цзюнь не заставил вас отправиться к источнику, вы бы давно были мертвы.

— Да что ты, новичок, можешь понимать?! Тебя там и в помине не было! То, что ты какой-то там Белый Лебедь и получил известность в школе, не дает тебе права сыпать проклятиями!

Чи Шэн говорил ровным голосом, в его глазах не было ни тени сомнения:

— У меня огненный корень. Я с первого взгляда вижу следы ожогов, которые вы получили. Та рана была тяжелой, она едва не лишила вас жизни. Лансюэ-цзюнь спас вас, а вы даже не знаете, что такое благодарность.

Ученик пришел в ярость, но тут же сменил тактику:

— Это все благодаря пилюлям и травам, которые дала мне семья! Только они утомили огонь! Лансюэ-цзюнь меня не спасал! Я даже близко не видел этого источника! С какой стати мне быть ему благодарным?!

Чи Шэн слегка улыбнулся:

— Ну вот, вы и попались. Не стоит больше сочинять. Путь совершенствования труден, учеников в школе много — поберегите хоть остатки чести. Ах да, чуть не забыл: чтобы вода в небесном потоке стала ледяной, нужна нестерпимая жара. На нашей горе круглый год царит весна, так что снега на вершинах не тают. Никакого «целебного ледяного источника» на самом деле не существует.

— Ты... ты меня обманул!

— Именно. И, к слову, никаких ожогов я тоже не вижу. Но быть учеником школы и не уважать учителя — это предел падения. Если я еще раз услышу, как вы клевете на Лансюэ-цзюня, — он прищурился, и в его взгляде мелькнула опасная сталь, — я не прочь дать вам возможность лично ощутить, каково это — сгорать заживо.

После этих слов спорщики разом притихли. Даже тот, кто так складно врал, мгновенно растерял весь свой пыл.

Кто не знал, что божественный зверь — Белый Лебедь — обладает невероятным могуществом? И это его «уровень весьма посредственен» прозвучало как неприкрытая угроза!

— Ну всё, всё, друзья... — кто-то попытался разрядить обстановку. — Мы же сегодня о Дао рассуждаем, к чему эти распри...

Чи Шэн окинул присутствующих взглядом. Ему хотелось сказать больше, но вокруг начала собираться толпа. Сам он не боялся, но опасался, что лишние разговоры могут навредить репутации Линь Фэйсяня. Развернувшись, он быстро пересек площадь Тайцзи, оставляя голоса учеников позади.

У самого выхода с площади возвышались каменные ворота, по обе стороны которых были высечены строки.

Чи Шэн поднял глаза.

Слева: «Ступай в обитель бессмертных через чистое созерцание».

Справа: «Вопрошай небеса, творя справедливость».

На каменной табличке сверху значилось: «Цзиншуй Люшэнь — Тихие воды текут глубоко».

Чистое созерцание? Справедливость?

Чи Шэн хмыкнул. Разве эти лицемеры в человеческом обличье достойны искать истинный Путь?

<http://bllate.org/book/17515/1657135>